

DOI: 10.46698/VNC.2020.61.44.001

В.А. КУЗНЕЦОВ,
ЦСАИ ВНЦ РАН

ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В АЛАНИИ

Один из основных средневековых археологических памятников Северного Кавказа, изучаемых мною в течение многих лет — Нижне-Архызское городище X–XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук в верховьях Кубани. Городищу посвящены две мои монографии, изданные в Ставрополе в 1993 г. и в Пятигорске в 2017 г.

Это был подробный отчет о раскопках с предварительным выводом — Нижне-Архызское городище есть формирующийся ранне-феодальный город, расположенный очень выгодно на северокавказском отрезке Великого Шелкового пути (ВШП) и приобретающий функции, характерные для таких городов не только Кавказа, но и всей Евразии (в частности, как центры концентрации экономического, социального, политического, культурного развития для целых регионов). Местоположение на трассе межконтинентального ВШП на самом тяжелом и опасном маршруте ВШП через Главный Кавказский Хребет, придавало Нижнему Архызу облик ключевого объекта сакрального значения: средоточие культовых ценностей, храмов и монастырей. Так, в эпоху каролингов во Франции наиболее весомыми были города — резиденции архиепископов Лион, Реймс, Тур; из 120 городов Германии в XI в. 40 были епископскими (Самаркин, 1976, 90; общее см.: Город, 1999, 90). Монополия на культуру и образование принадлежала церкви, а в ней — монастырям, с их церковными школами и скрипториями — мастерскими по производству рукописей и надписей на каменных плитах. Похоже, что подобные скриптории имелись в Западной Алании, ибо памятников греческой эпиграфики здесь насчитывается около сотни и в том числе знаменитая Зеленчукская надпись XI в. из Верхнего Архыза, язык надписи алано-осетинский, алфавит греческий (Памятники, 2013, 12–68). Очевидно, шла работа по созданию своей письменности и если сказанное подтвердится, это станет научным открытием, равноценным культурному подвигу великих славянских просветителей, братьев Кирилла и Мефодия из города

Солуни (Салоники), давших в IX в. восточным славянам нашу письменность — кириллицу (Немировский, 2015, 23–27), основу всей нашей славянской цивилизации.

Первая моя монография о Нижне-Архызском городище родилась в 1993 г., т. е. 25 лет назад. Все эти годы я жил с надеждой на переиздание книги, ибо она полиграфически была издана ниже всякой критики, развалилась и превратилась в макулатуру тиражом 1 тыс. экземпляров. Таким лихим было то время. Что какой-то забытый Богом и людьми Нижний Архыз, когда в историческую макулатуру превратили вторую сверхдержаву мира.

Несколько лет ушло на поиск реализации проекта, не было денег, условий. Наконец, независимое пятигорское издательство «Снег» после некоторых колебаний любезно согласилось переиздать мою монографию 1993 г. в доработанном виде. Я должен, прежде всего, выразить свою искреннюю благодарность директору издательства «Снег», который нашел такую возможность, несмотря на объективные трудности. Это Сергей Николаевич Парамонов — увлеченный энтузиаст и пропагандист русской и мировой культуры, делающий такое полезное дело в наш «железный век» дегуманизации. Я благодарю весь небольшой коллектив издательства «Снег» за его патриотизм и интерес к Кавказу и его народам! Эта статья — дополнение к этим двум монографиям.

Здесь я должен коснуться имени и памяти замечательного русского ученого, историка античности и Византии (а это — основы нашей культуры и духовности), основателя русского классического алановедения, профессора по призванию, а не по ремеслу, Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919).

Итак, профессор Ю.А. Кулаковский и аланы Кавказа. Ученого уже почти 100 лет нет в живых, и всегда найдутся люди, которые могут объявить об устарелости трудов нашего классика. Хотя публикации его работ для многих профессионалов являются и сегодня эталоном компетентности и корректности.

Моя последняя монография о Нижнем Архызе (2017 г.) не случайно имеет подзаголовок «Аланская епархия в X–XII веках». Специфика этого крупного для раннего средневековья памятника и его культуры — материальной и духовной — состоит в выраженном в обширном археологическом материале *синкретизме*. Это не та яркая и «чистая» алано-осская культура, которая представлена на огромной территории Предкавказья вплоть до северных границ Дагестана. Огромный массив древних иранцев, скифо-сармато-среднеазиатского происхождения во II–III вв. н. э. хлынул из причерноморских и приуральских степей в предгорья слабо заселенного Центрального Кавказа (причина — постоянная грозная опасность со стороны кочевников) и

удивительно быстро заселил эту территорию, организовав, по крайней мере, двойную линию обороны для защиты от набегов кочевников.

Мы должны признать эту грандиозную систему обороны Алании, существовавшую около тысячи лет, во многом принципиально организованным и сходным явлением так называемого европейского лимеса, т. е. защиты больших территорий от внешней опасности. В качестве европейской аналогии позднеримской эпохи назову оборонительный лимес в северо-восточной римской провинции Паннония в бассейне Среднего Дуная, с конца I в. н. э. (Словарь античности, 1989, 316-317). Подлинные причины этой эпохальной миграции древних иранцев из степей на Кавказ нам неизвестны, но сам факт у археологов сомнений не вызывает (см, напр.: ГАБУЕВ, МАЛЫШЕВ, 2009, с. 9 и др.)

Сармато-аланский лимес составляли так называемые «земляные» (по И.М. Чеченову) городища, в конце II–III вв. образовавшие характерную оборонительную структуру из городищ — земляных крепостей с их мощнейшими (в глубину до 10 м при ширине до 40 м) (Кузнецов, 1992, с. 218) рвами и валами. Аланский лимес и 130 «земляных» крепостей — городищ Предкавказья, сопровождающие их огромные катакомбные могильники с колоссальным количеством артефактов — все это богатство еще не изучено, но активно разрушается современной техногенной цивилизацией.

Западные аланы — другая часть древнеиранского распавшегося мира. Они — строители каменных городищ и крепостей: Узункол, Гиляч, Адиюх, Уллу-Дорбунлу и т. д., они давно отошли от катакомбного обряда погребения, но сохранили главное требование древнеиранской религии зороастризма — камерный обряд погребения и культ огня, его очищающей силы (Бойс, 1987). Это привело к появлению склепов — камера сохранена. Историческое языкознание шаг за шагом накапливает материалы, свидетельствующие о том, что в верховьях Кубани утвердилось одно из ираноязычных, скифо-сарматских племен, видимо I тыс. до н. э. (сираки? — см.: (Марченко, 1996). В.И. Абаев, счастливо наделенный ярким даром исторического мышления в языкознании, показал некоторую архаику языка западных алан. Это — диалект осетинского языка, которым пользуются современные западные осетины дигорцы (Абаев, 1949, 357–494; Камболов, 2006, 397–535), хотя Т.Т. Камболов считает, что датирование расхождений диалектов осетинского языка «нельзя считать окончательно решенными» (там же, 409). Кажется, что данное замечание касается частных деталей, не изменяя концепции В.И. Абаева в целом, принятой языкознанием (Кулланда, 2013, 124, 129). Мне представляется, что на данном этапе разработки версия В.И. Абаева наиболее адекватна известному нам историко-археологическому контексту и наиболее перспективна.

Конечно, всего этого у Ю.А. Кулаковского нет. Но есть блестящее знание письменных источников античных и византийских, владение ими в оригинале, научные комментарии и точные оценки на рубеже XIX–XX веков. Таким наследием мы имеем право гордиться. В научных кругах Осетии это хорошо сознают.

В современной историографии Северного Кавказа эпохи средневековья наиболее значимой фигурой в разработке аланской христианской проблемы следует признать доцента Армавирского Государственного педагогического университета, кандидата исторических наук Сергея Николаевича Малахова, которого я лично знаю уже около 30 лет. Он является представителем классической научной школы российского византиноведения и, естественно, почитателем Ю.А. Кулаковского и его трудов. Общие научные интересы сблизили нас, но моя работа в Нижнем Архызе привела к разночтению не отдельных частностей, а общей концепции истории Аланской епархии, говоря конкретно, о позднем периоде в истории Аланской епархии после XII в.

Дело в том, что мне давно представлялось верным освещением этих событий в статье Ю.А. Кулаковского «Христианство у алан» (Кулаковский, 2000, 180–192). По Ю.А. Кулаковскому последнее упоминание аланской кафедры приходится на 1356 г. (там же, 185, 192). Я использовал эту дату, запутавшись в хитросплетениях патриаршей борьбы за власть (Кузнецов, 1992, 325–326; Кузнецов, 2002, 63). Прочитирую самого себя: «Надо признать, что мы слишком слабо осведомлены для формулирования уверенных выводов и с этим нередко повторяющимся неприятным обстоятельством приходится смириться» (там же, 63). Разумеется, я принимаю поправки и исправления уважаемого коллеги. Картина, созданная нашим классиком Ю.А. Кулаковским, изменяется и преобразуется С.Н. Малаховым. Но несколько несогласий у меня все же есть.

Упадок в жизни аланской кафедры начался в конце XI – начале XII вв. (Кулаковский, 2000, 139; Кузнецов, 1992, 319–320, 325, 326; Малахов, 1992, 149–179; Малахов, 1992, 159, 162, 170–179 — сведения о митрополитах Алании) и т. д.). По ходу изложения Малаховым его аргументация и выводы не раз подвергаются мелким замечаниям и возражениям А.Ю. Виноградова (Белецкий, Виноградов, 2011, 23–24, 31, 35, прим. 96 и т. д.). Достается и мне, например, о наличии в XIV в. суффрагантов (подчиненное митрополиту подразделение церкви. — *В.К.*) в Аланской митрополии. Я действительно не имею фактических аргументов для подобных доказательств, речь идет только о возможности гипотезы. Но ведь в статье по истории христианской Алании А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий (там же) сами неоднократно выдвигают смелые гипотезы, не

обеспеченные убедительной силой. Не будем дальше полемизировать и спорить.

Исследования С.Н. Малахова оригинальны и корректны. Я их принимаю. Но нарисованная им картина быстрого упадка и острого кризиса аланского христианства с конца XI в. — время выдающегося эскусиократора Алании Дургулея Великого, пик славы Алании как государственности. Это огромная, сложная тема, решение которой на эмпирическом и теоретическом уровне применительно к Алании еще впереди. Однако, кажется, ничто не мешает нам классифицировать государственность Алании как типичный *феодальный синтез* — соединение разнородных компонентов в одну систему взаимодействия социальных институтов патриархально — родового общества и нарождающегося раннефеодального. Это понятие *феодального синтеза* можно дополнить понятием христианского синтеза, где мы видим взаимодействие элементов дохристианских и христианских (религиозный субстрат по В.И. Абаеву, см.: АБАЕВ, 1949, 75–80; АБАЕВ, 1960, 15–17). Наконец, приходится признать и понятие *этнолического синтеза*, а это есть суть принятой нами версии этногенеза осетинского народа.

Касаясь феодального синтеза, Б.Ф. Поршнев справедливо писал: «средневековый город представляет собой нечто третье, нечто качественно иное по сравнению, как с античным городом, так и с варварским укрепленным городищем, ныне хорошо известным археологам, хотя он включает в себя преобразованные черты и того, и другого» (Поршнев, 1964, 515). Это полностью приложимо к Нижнему Архызу.

Сейчас можно считать, что наиболее благополучным для Нижнего Архыза периодом был X–XII вв., (Кузнецов, 1986, 245; Кузнецов, 2007, 91–93; Перфильева, 1992, 181, 199). Нетрудно заметить, что подъем городища в Нижнем Архызе в X–XI вв. совпадает по времени с аналогичным процессом в самой Византии, где с IX в. начинается рост городов и усиление товарного производства, с X в. Византия втягивается в широкую международную торговлю, археологически это отражено в концентрации византийских монет в зоне действия ВШП. Как указывают специалисты, наивысшего подъема Византия достигает в XI–XII вв. и это соответствует общему оживлению экономической жизни как в Крыму, на Руси, так и в Западной Европе (Удальцова, Каждан, 1958, 91; Литаврин, 1977, 111–112, 116 и т. д.) Думается, что появление такого города, как Нижний Архыз в Алании косвенно было связано с общеевропейским процессом экономического и социального прогресса.

Рассматриваемое в книге Г.Г. Литаврина столетие (876–1081) истории империи четко распадается в этом отношении на два резко отличающихся

друг от друга периода. В продолжение первого из них, совпадающего в целом с полу столетием царствования Василия II Болгаробойцы (958–1025), Византия достигла вершины своего могущества, которого она более не знала в своей дальнейшей истории. В течение же следующего полу столетия империя, истерзанная внутренними распрями и сотрясаемая мощными народно-освободительными и антифеодальными движениями, стала легкой добычей вторгавшихся в ее пределы кочевых и полукочевых народов. К началу 80-х годов XI в. контролируемая имперскими властями территория ограничивалась фактически Константинополем с ближайшей округой, фемой Эллада и Пелопоннес, островами Эгейского моря, да тут и там уцелевшими городами — крепостями» (там же, с. 4). Фернан Бродель уточняет: «Возрождение городов, начиная с XI в. ускорилось, накладываясь на подъем деревни, на многообразный рост полей, виноградников, садов. Города росли вместе с деревнями» (Бродель, 1986, 542). Представляется, что приведенные характеристики особенностей социально-экономической динамики Империи в XI в. осознаны и оценены достаточно адекватно, а Кавказская Алания, прочно привязанная к экономике Византии путем участия в международной торговле через посредство ВШП, основательно зависела от ситуации в Империи. Мне представляется, что суждения Ю.А. Кулаковского, С.Н. Малахова и А.Ю. Виноградова о неблагополучии внутри Аланской епархии, особенно в XII в., имеют слишком односторонний, сакраментально-литургический характер при полном игнорировании той экономической конъюнктуры, которая должна была существовать в течение всей истории Аланской епархии (X–XVI вв.) Естественно, письменных источников об этом нет и вряд ли они могли быть в Нижнем Архызе того времени. Значит ли это невозможность иметь хотя бы минимальную информацию? Нет, ибо существует массовый археологический материал с его огромными информативными возможностями, но эти возможности до сих пор почти (кроме уникального скального могильника VII–IX вв. «Мошечая Балка», тщательно проработанного и изданного А.А. Иерусалимской; см. Иерусалимская, 2012 и др.) не изучены и не учитываются. Не приводит ли это к искажениям в наших научных построениях? В распоряжении Константинопольского патриарха был целый православный Мир — 57 митрополий, 49 архиепископств, 514 епископств (Диль, 1947, 72). Огромное хозяйство, требовавшее внимания и управления, а Аланская епархия — византийское учреждение на самом краю христианского мира и контакты с миссионерами-суффрагантами опасны и неустойчивы, миссионерство их со стороны Константинополя не защищено — это повседневные реалии Ромеев, пришедших в далекую варварскую Аланию «глаголом жечь сердца людей». Не слабостью упомянутых миссионеров объясняются жестокие

испытания и лишения, выпавшие на их долю, на Кавказе, а сопротивление тех же аланских язычников, не желавших изменять своим традиционным богам. Все это, кажется, должно несколько изменить одностороннее представление о судьбе Аланской епархии в недрах Кавказа.

Вернусь к экономическим проблемам. Как говорилось, совершенно особое местоположение Нижнего Архыза в обширной системе Константинопольской патриархии и внимание со стороны некоторых отцов церкви (см. письма Николая Мистика) объяснимы не только военно-политическим весом северокавказских алан, по Ю.А. Кулаковскому, но и их ролью в функционировании крупнейшей торговой магистрали Евразии II в. до н. э. — XIII в. н. э. — Великого Шелкового Пути (Кузнецов, 1993, 67 и др.). О том, что такое ВШП, говорить не будем, это общеизвестно, но до сих пор даже профессиональным историкам остается неизвестным, что ключ от благополучия ВШП и, следовательно, от благополучия экономики части Европы, лежит в Западной Алании (Кузнецов, там же, 66–67, 68, 70, 96). Дело в том, что на ее территории находятся перевалы через Главный Кавказский Хребет — Клухор, Санчаро, Адзапш и трасса ВШП не могла их миновать, они наиболее легкодоступны и выводят в дружественную христианскую Абхазию, что важно. «Наличие в отдаленном прошлом Южного пути контактов, несмотря на все трудности географической среды, с ним вязанные, отрицать нет оснований» (Кожит, 1993, 19). Проводники, охрана от разбойников, переводчики, мулы — все это поставляли местные аланы, кроме того, получавшие пошлину за перевал. Ясно, что верхнекубанские аланы контролировали все эти перевалы, их положение было вне конкуренции, как и доходы. Это положение алан на трассе, по крайней мере ее западной части, я и называю ключевым положением. Совершенно очевидно, что в наиболее удачные годы (что зависело не только от военно-политической ситуации, но и от погодных условий) плата за использование перевалов давала аланской экономике доходы, обеспечившие ускоренную феодализацию и подъем Западной Алании. В Византии, конечно, это было известно и можно лишь догадываться о возможном отчислении части дохода в императорскую казну пошлины, где она делалась жертвой коррупции (Литаврин, 1977, 272).

В исследовании С.Н. Малахова о локализации центра Аланской епархии в XII–XVI вв. (Малахов, 1992, 149–179) в качестве источников привлечены византийские списки митрополий *Notitiae Episcopatum* и акты Константинопольской патриархии, памятники византийской эпистографии и историографии, сведения путешественников об Алании XIII–XIV вв., некоторые археологические материалы. С.Н. Малахов, подтверждая выводы Ю.А. Кулаковского, пришел к заключению о переносе

центра Аланской епархии из Нижнего Архыза в Сотириуполь — византийский город на р. Чорох при ее впадении в Черное море близ г. Батуми. Напомним, что окончательное объединение Аланской и Сотириупольской кафедр по Ю.А. Кулаковскому состоялось в 1347 г., когда было доказано, что «митрополия аланская вовсе не имеет собственной архиерейской кафедры по той причине, что народ ее ведет пастушеский образ жизни» (Кулаковский, 2000, 183). С.Н. Малахов корректировал эту дату и показал, что указанное объединение имело место между 1084–1105 гг., Сотириуполь стал кафедральным городом аланского митрополита (Малахов, 1992, 154).

Подобные перемещения Аланской кафедры происходили неоднократно, это было «нормальным порядком» (Кулаковский, 2000, 183). Однако, мне кажется, что объединение 1084–1105 вызывает вопросы и может оспариваться — в успешный для алан XI в. не было столь серьезных причин для номадизации местной экономики и это может найти подтверждение в крымском археологическом материале. По А.Л. Якобсону, в Крымской раннесредневековой керамике полностью отсутствуют внутренние ручки или ушки для подвешивания посуды над очагом. «Эта деталь была вызвана, очевидно, условиями кочевого или полукочевого быта, при котором важнейшее значение имело скотоводство» (Якобсон, 1954, 156). Речь о глиняных котлах, которые действительно типичны для кочевого образа жизни и, появившись еще в салто-маяцкой культуре VIII–IX вв. (И.И. Ляпушкин), в XI–XIII вв. распространились на территории Восточной и Центральной Европы вплоть до Среднего Дуная (Кузнецов, 1964; Kuznetsov, 1990; Valint, 1990; Spirei, 1990 и др. в том же сборнике 1990 г.). В моих раскопках Нижнего Архыза в его жилых кварталах на сотни обломков бытовой керамики приходится всего 10 фрагментов глиняных котлов (Кузнецов, 2017, 252–253). Вряд ли это может быть аргументом в пользу повального перехода к скотоводству обитателей Нижнего Архыза, хотя ареал и хронология этого памятника с показаниями письменного источника вполне соотносятся. Но это не все.

С.Н. Малахов неоднократно говорит, что «чин Митрополита требовал размещения кафедры в главном городе епархии, но таких городов с точки зрения византийского духовенства, в Алании не существовало. Более того, вероятно, уже с конца XI — начала XII века в Алании протекает быстрый процесс дезурбанизации складывавшихся раннегородских центров, номадизация хозяйства и всех сфер быта основной части населения..., преимущественное развитие отгонного скотоводства и возрождение кочевнических традиций не могло обеспечить необходимого и стабильного дохода для существования широкой прослойки клира и двора митрополита»,

(Малахов, 1992, 159; Малахов, 2015, 46; Малахов, 1992, 160, 170). Немало внутренних противоречий и именно их я имею в виду. Я сомневаюсь в данных постулатах моего коллеги, ибо существуют иные объяснения, позволяющие отклонить версию столь крутого обвала Аланской епархии с конца XI в. О чем речь?

Прежде всего, о ВШП. Выше было сказано, что западные аланы в контексте ВШП занимали исключительно выгодное положение в связи с устойчивым контролем их над наиболее безопасными перевалами в соседнюю, христианскую Абхазию — цитадель византийского влияния на народы Северного Кавказа. Нам неизвестны физические объемы и финансирование функционирования перевозимых товаров, их рыночная стоимость и т. д., документов нет, но межконтинентальный уровень очевиден. Говорилось и о неизвестных нам доходах алан, получаемых от эксплуатации ВШП. Было бы неразумно эти абстрактные экономические обстоятельства не учитывать при изучении Аланской епархии и ее материальных возможностей. Чем объясняются подлинные причины столь частых слияний, разделений пространственного перемещения церковных структур и т. д. и не может ли эта шаткость отражать не только характерные византийские интриги и борьбу политических интересов, но и монетарные интересы? Надо признать, что эти якобы второстепенные факторы всеми нами фактически игнорировались. Уже поэтому я возражаю против излишней катастрофичности в публикациях. Ведь двор митрополита и широкие слои клира должны были неплохо существовать. В течение всего времени пребывания аланской епархии в ее границах шло строительство новых церквей и зданий «малых форм», их насчитывается до 100 и это стоило усилий и денег, причем строительство шло и в годы «номадизации» и упадка. Существовали и свои ремесленные мастерские, производившие железные кресты, постоянно публикуемые (напр.: Малахов, 2015, 321–340). Для этого, естественно, требовалось железо, и оно добывалось и выплавлялось в крицу в домашних условиях на городище (Кузнецов, 2017, 38–39, рис.). Не опрощение, упадок и засилье пастушеского скотоводства (оно, конечно, было), а ремесленное производство необходимых вещей, присутствие опытных мастеров разных специальностей и в XII–XIV вв. — все это зримо в Нижнем Архызе и оно плохо вяжется с тезисом о дезурбанизации Западной Алании.

Кратко о церковном клире Нижнего Архыза. С.Н. Малахов дает высокую оценку митрополиту Алании и Сотириуполя XII в. за его активное участие в церковной и политической жизни Византии¹. Вероятно, имеется в

¹ Список аланских иерархов X–XII вв. составлен и опубликован дважды. См.: Малахов, 1992, 61–67; Белецкий, Виноградов, 2011, 65, а также: здесь приложение 1.

виду Георгий Аланейский, в 1172–1175 гг. подписавший документ, как митрополит Алании, участвовавший в работе Синода (там же, 155, 172). Если это так, не является ли этот факт актом признания значения Аланской епархии к концу XII в.? Не сохраняет ли свой особый смысл титул «духовное чадо», заявленный в X в. Константином Багрянородным аланскому властителю? (Кулаковский, 2000, 177). Ведь не случайно правитель Каппадокии Флавий Арриан посетил Кавказ и ознакомился с его проходами согласно византийскому историку VI в. Иоанну Лиду (Меликишвили, 1959, 359) — наверняка в программу Арриана входил и Клухорский перевал в Западную Аланию. Как известно, именно в VI в. сложились условия для маршрута ВШП через Северный Кавказ и Главный Кавказский хребет в порты Абхазии, далее морем в Константинополь (Кузнецов, 1993, 20). Один из исследователей ВШП А.А. Иерусалимская пишет: что в VI в. северокавказский отрезок ВШП «становится регулярно функционирующей торговой магистралью» (Иерусалимская, 1992, 5). Вспомним также обмен посольствами между Византией и Тюркским каганатом в 568 г., когда византийский комит Земарх проследовал на обратном пути по Даринскому отрезку ВШП — по долине р. Большая Лаба. Видимо, трасса ВШП была согласована с хозяевами этой территории — аланами. Сюда направлялись опытные ромейские иерархи с актами крещения западных алан в первой четверти X в.

Поясню. *Долина Большого Зеленчука для размещения в ней Аланской епархии была избрана не случайно.* В последние два десятилетия в отечественной христианской археологии нарождается новое для нас направление — *создание сакральных пространств или иеротопия*, специальная область исследования, предполагающая самостоятельную методологию и понятийный язык (сочетание греческих слов «иерос» (священный) и «топос» (место, пространство, понятие)), иеротопия — это *создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества.* По А.М. Лидову, понятие сакрального предполагает реальное «присутствие Божие» и неотделимо от «чудотворного», то есть не связанного с деянием рук человеческих (Лидов, 2006, 10). Иеротопия — очевидно благодарное поле для междисциплинарных исследований (там же). Я ни в коей мере не претендую на роль знатока иеротопии, но стихийно — интуитивно остро ощутил мощное сакральное воздействие руин Нижнего Архыза на меня уже при первом знакомстве с ними в 1952 г. Это влечение определило мою дальнейшую жизнь и научную карьеру до сегодняшнего дня.

В частности, вслед за искусствоведом Л.А. Перфильевой (Перфильева, 2004, 188), я употребил понятие «Святая долина» (Кузнецов, 2017, 285). Необходимо подробно обосновать эту номинацию, ибо она существует и не только в Нижнем Архызе, но и на Кяфарском городище.

Еще один пример для размышлений. В южном конце городища, у бетонного моста, находится небольшой поселок САО — Специальной астрофизической обсерватории РАН, построенный в 70–80 гг. XX века, с самым большим в Евразии БТА — Большой телескоп азимутальный, с зеркалом диаметром 6 м. Основными направлениями исследований САО являются излучения Солнца, звезд и межзвездной среды, внегалактическая астрономия и т. д. — это крупный современный научный центр. Но почему именно в Нижнем Архызе?

Академия наук СССР для размещения БТА предварительно направила ряд научных экспедиций по выявлению в горных районах места, обладающего лучшим астроклиматом. Таким местом оказался Нижний Архыз, это лучший полигон для космических наблюдений. Как в таком случае быть с иеротопией?

Справедливости ради заметим, что необычность сакрального происхождения Нижнего Архыза уже подмечена. Прежде всего, это статья Е.Л. Сосниной, опубликованная в 2009 г. (Соснина, 2009, 371–382). Автор ставит перед собой задачу — «проследить символично-топографическую композицию Архызского христианского комплекса и связать ее со священной топографией Иерусалима» (там же, 373). Мной опубликована острая рецензия на эту разработку Е.Л. Сосниной, и я не буду повторяться. Общий вывод: Е.Л. Соснина, не зная постулаты иеротопии (она и не обязана их знать, не ее специальность), тем не менее, чутко реагировала на особый психологический фон, царящий в «Святой долине» и мне это хорошо известно. В этом я вижу достоинство работы Сосниной. Но, к сожалению, она излишне увлеклась фантазированием без аргументации и вывела свой материал за допустимые пределы. Однако, нам важен сам факт наличия иеротопии, сакральное поле Нижнего Архыза для меня установлено, а поле это может оказаться уникальным при наличии прямого выхода в космос. Ясно, что все эти вопросы не изучены и пока имеют лишь постановочный характер.

Итак, иеротопия. В комплексе с ее прочими проявлениями — такими как вывод о различных импульсах, воплощенных в храмовом зодчестве, сделанный Л.Д. Рчеулишвили (Рчеулишвили, 1978, 44–45) до астроархеологического исследования астрономов САО А.А. Демакова и И.А. Чумака по точному определению вероятных дней закладки наших храмов, показавших для северного храма 8 мая, а на следующий день отмечался престольный праздник св. Николая Мирликийского. «Отсюда вывод о посвящении северного храма св. Николаю Чудотворцу» (Кузнецов, 2007, 71). Те же авторы установили, что средний храм Нижнего Архыза был заложен в день Преображения и посвящен Христу Спасителю (там же, с. 81). Мне кажется, что это вполне допустимо, ибо имеет подтверждение в еще одном важном

факте местного сакрального пространства — нового «явления Христа народу». В сентябре 1999 г. на восточном склоне горы «Пароход» (левый берег Большого Зеленчука, против среднего храма), местные охотники братья Варченко на отвесных скалах увидели икону — Лик Христа Спасителя. Изображение оглавное, фронтальное, без нимба, взгляд прямой, пристальный. Христос, мастерски написанный без грунтовки прямо на скале, огромными глазами смотрит на средний храм на противоположной стороне реки. Обычная монограмма около головы ИС ХС и нимб отсутствуют, видимо икона не была завершена (Кузнецов, 2004, 160–170). Кто написал эту единственную на территории РФ наскальную икону и когда — неизвестно, но ее иконография и техника живописи сомнений в ее древности не вызывают². Кто и когда написал лик Христа, оставшийся неизвестным тысячу лет? Почему он открылся только теперь? Кажется, какие еще доказательства чудесного явления нужны? *Нижний Архыз я, вслед за Л.А. Перфильевой, назвал «Святой долиной»* (Перфильева, 1981, 123; Кузнецов, 2017, 285, 311) и эта новация также не случайна.

Можно считать доказанным византийское влияние на происхождение всей группы верхнекубанских храмов. Видимо, их строили византийские зодчие, а расписывали фресками византийские художники — у алан их не было. Это X век. Если подтвердится, это будет событием для христианской археологии.

Все вышесказанное противоречит представлениям о кризисе и упадке Алании с конца XI в. Одностороннее использование письменных источников без учета других материалов, особенно археологических, искажает общую картину действительно сложного процесса, полного противоречий. Конечно, мой коллега это хорошо знает и сам говорит о необходимости комплексного подхода и привлечения «новейших данных археологии» (Малахов, 2007, 117), но в публикациях наиболее актуальных и полемичных потенциал данных археологии — в совокупности он вне конкуренции — он, к сожалению, не использует. Кстати, здесь же замечу, что в той же статье об алано-византийских отношениях середины XI в., С.Н. Малахов справедливо указывает, что Михаил Пселл подчеркивал «невысокий дипломатический статус Алании в ее отношениях с Византийской империей, который явно не соответствовал действительности» (там же, 119). Из последней формулировки вытекает признание высокого статуса Алании в середине XI в., но это плохо увязывается с выводами о начавшемся в это время упадке Алании. Аланские иерархи и миссионеры в Алании выглядят как

² В специально литературе указано, что такое изображение Христа очень древнее и может быть иконографическим архетипом (Припачкин, 2001, 10). Я датую икону Нижнего Архыза XI в. (Кузнецов, 2004).

сильные, образованные личности, способные не только осуществлять требования литургии, но и осуществлять строительство храмов, вести адекватную переписку с Константинополем и т. д. Здесь надо вспомнить о честном бронзовом кресте, возобновленном в 1067 г. пресвитером, монахом Фомой и найденном мной в нартексе северного, кафедрального храма. Надпись четко, без ошибок вырезана, грамотность писца не вызывает сомнений. В Нижнем Архызе жили грамотные люди, так было и в XIII в. Об этом четко говорится в патриаршем послании кардиналам папской курии 1232 г.: *Alania nation ortodox* — «народ алан ортодоксальный», т.е. правверный, неуклонный. Относительно перехода алан к пастушескому образу жизни в XIII в. приведу свидетельство Мартина Канале в переводе Е.С. Зевакина: в 1268 г. в Италии наступил голод и дож Венеции Лоренцо Тьеполо отправил корабли за хлебом. Цитирую: «Что вам скажу я? Татары, Аланы, Зихи, Руссы, Турки, Армяне и Греки дали в ту пору хлеб венецианам» (Архив СОНИИ, фонд 4, дело 2, л. 50). Наконец, современный византист М.В. Бибилов делает общий вывод о состоянии христианства в XIII в. по византийским источникам: «Алания в византийских источниках представляется (подобно Руси и др.) оплотом православия в Европе» (Бибилов, 1981, 144).

Я далек от мысли идеализировать церковную жизнь Аланской епархии и видеть только ее успехи. Конечно, реальность была суровой и даже жестокой, окраинные, соседние варварские племена в течение тысячелетий оказывались непримиримыми врагами. Византия тысячу лет была оборонительным валом, лимесом, отделявшим мир христианства от мира ислама. Цепь христианских диоцезов вдоль лимеса усиливала силу сопротивления наступающему исламу, христианизация соседних варваров и их использование было для Константинополя судьбоносной проблемой выживания. Аланская епархия на трассе ВШП, мне кажется, была экономически первостепенной и еще фактически не раскрытой проблемой. Как тут не вспомнить знаменитого историка-позитивиста Фюстеля де Куланжа, признававшего полноценными источниками только письменные источники. «Изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом удалять из истории прошлого современные идеи, занесенные ложной моралью» (Гутнова, 1974, 159). Хлестко, но глубоко неверно. Как писал о византийской армии Шарль Диль, «несправедливо и наивно было бы видеть в истории Византийской империи лишь одну непрерывную линию упадка» (Диль, 1947, 87). Это то, о чем сейчас рассуждаю я, как заинтересованный исследователь ниже-архызской, а шире говоря всей обширной аланской проблемы.

Последнее замечание о затронутых выше сюжетах. Они также имеют значение самостоятельного источника. Речь о мелких артефактах, прежде всего о так называемых архитектурных памятниках «малых форм». Это очень скромные, опрощенные до схематизма часовни (маленькие церкви), капеллы разного назначения, в изобилии встречающиеся на территории Западной Алании почти на всех поселениях. Массовый материал — железные пластинчатые кресты, кресты-тельники, реликварии, плиты с изображением креста, христианские кладбища, сотни могил X–XII вв., более поздних, XIII–XIV веков мало. Если с этим археологическим материалом считаться, вырисовывается картина широкого и глубокого проникновения ранних форм христианской религии в ту гетерогенную этническую среду, в которой имеем численное превосходство дигорязычных алан (ЖУЗНЕЦОВ, 2013, 23–25; см. также: КОВАЛЕВСКАЯ, 2013, 132–143). Необходимо затронуть некоторые сюжеты дополнительного значения, но не менее интересные и существенные. Это, прежде всего, вопрос о культе св. Николая в пантеоне западных алан-дигорцев, живущих в Дигорском ущелье Осетии.

Концепция о происхождении современных дигорцев от народа «тигор», «ас-дигор» в «Армянской географии» VII в. (в современной этнонимике выглядит как ос — осетин — дигорец. — В. К.), вернее остаток этого раннесредневекового племени, занимавшего бассейн верховьев Кубани — общеизвестна и в науке признана. К сожалению, именно дигорская проблема, как части истории современных осетин, разработана слабо. Парадоксальным является то, что даже в основной обобщающей «визитной карточке» — труде этнографа Б.А. Калоева (КАЛОЕВ, 1971) членение осетинского этнического пространства на три группы — иронцев, дигорцев и туалыцев по языку, как поднаречия иронского (АБАЕВ, 1949, 357, прим. 2), ни словом не упомянуто, хотя труд Б.А. Калоева получил оценку в местной печати (БЛИЕВ, 1968, 3 — первое издание книги). Однако обратимся к вопросу *о культе св. Николая Чудотворца и его сакральном пространстве в Нижнем Архызе.*

На этот счет есть некоторые немногочисленные источники разной степени достоверности. Поскольку иной информации нет, попытаемся осмыслить существующий материал.

В древностях Нижнего Архыза несколько раз встречается номинация Николая. Так на кладбище около Северного храма в 1900 г. монахи нашли каменный крест с надписью (цитирую): «IC XC/Слово. Святой Фома. Господи помоги рабу твоему Мине. Святой Николай. Святой Георгий» (чтение акад. В.А. Латышева; см. Латышев, 1904, 101, рис. с. 100). Наш комментарий: по С.Н. Малахову этот крест был найден у южного храма, и он мог быть ставропигиальным (МАЛАХОВ, 2008, 757). Ошибка исследователя — крест найден не у южного, а у северного храма. Верное заключение

Малахова — крест не мог быть надмогильным и скорее был именно ставропигиальным (надмогильные плиты с крестами преобладают — В.К.). Однако, Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов дают свое, иное чтение рассматриваемой надписи, не имеющее ничего общего с чтением В.В. Латышева (Белецкий, Виноградов, 2011, 49) и это вызывает вопрос о компетентности А.Ю. Виноградова в точности перевода. Критика этого молодого, напористого исследователя уже прозвучала (Залесская, Пятницкий, 2017, 507–510).

Я доверяю В.В. Латышеву и ссылаюсь, в его чтении, на имена Николай и Георгий. Поскольку могильное назначение креста отпадает, версия С.Н. Малахова представляется приемлемой. *Упомянутый в надписи 1013 г. св. Николай — патрон северного храма, посвященного ему, весьма авторитетному святому, не только в Византии, но и в Древней Руси как «русский Бог»* (Лидов, 2009, 135 и сл.). «В XI в. и в Византии, и в Древней Руси св. Николай воспринимался как один из самых важных православных святых» (там же, с. 136). Здесь кстати будет напомнить, что астрономы САО А.А. Демаков и И.Л. Чумак в 1988 г. установили, что закладка Северного храма-кафедрала состоялась 8 мая, за сутки до *престольного праздника св. Николая Мирликийского*. Опыт Демакова–Чумака нуждается в проверке на достоверность, но не должен игнорироваться. В этом убеждают замечательные находки тех же Д.В. Белецкого и А.Ю. Виноградова в Сентинском храме середины X в. на р. Теберде. При изучении фресок в интерьере они выявили фигуру святителя с подписью в технике граффито, с именем св. Николая. «Перед нами образ св. *Николая Мирликийского*, что подтверждает и его иконография» (Белецкий, Виноградов, 2011, 216, рис. 28). Цитирую: «он попал на первенствующее место, вероятно, в силу особого почитания в храме и потому, что здесь находилось более раннее, третьего этапа, изображение этого же святого» (там же, 223). Таким образом, в Сентинском храме было три фигуры св. Николая Мирликийского. Если к этому добавить версию А.А. Демакова и И.Л. Чумака о посвящении и южного храма тому же Николаю (Демаков, Чумак, 1988, 96), эта версия начинает походить на серьезное открытие.

Новые находки подтверждают версию о том, что не только северный храм, но и все городище имело своим покровителем и заступником св. Николая. С.Н. Малахов опубликовал выносной крест из «медного сплава» (Малахов, 2017, 52–62, рис. 1), случайно найденный на развале заброшенной церкви или святилища в долине р. Аксаут. Размеры креста 50x23 см, на лицевой стороне греческая надпись с именем св. Николая. Перевод: «Иисус Христос, свет, жизнь, побеждай, святой Николай помоги», дата XI–XII вв. Атрибуция св. Николая у С.Н. Малахова сомнений не вызывает — это св. Николай Мирликийский, особо известный «в аланской этнической

среде Верхнего Прикубанья» (там же, с. 57). Как видим, у кубанских алан — «друзей христиан и ромеев», Николай Чудотворец мог быть святым покровителем Нижнего Архыза, примеры есть в Византии — св. Евгений, например, был покровителем Трапезунда (BALLANCE, 1960, рис. 11, 12). Официальный культ Николая Чудотворца западными аланами-дигорцами усваивается так основательно и почтительно, что становится этнографическим и фольклорным, народным наследием, трансформировавшимся в языческие обряды позднего средневековья. Особо важно то, что именно у дигорцев Западной Алании возник этот традиционный и экзотичный культ, у алан *восточных такого «Николайы кувд» нет*. Это и не удивительно, идею «Николайы кувд» дигорские аланы получили от греков-миссионеров и ее переработали. Мы вновь, теперь на почве осетинской этнографии, сталкиваемся с *явлением исторического синтеза*.

Известно, что культ Никкола всегда был свойственен только дигорцам (Чиби́ров, 2008, 287), хотя сейчас осетинские этнографы стали включать праздник Никкола в число общеосетинских (там же, 292). Весьма показательно, что *дигорцы празднуют Никкола 9 мая, т.е. в канонический христианский день св. Николая Мирликийского* (там же, с. 380). Ясно, что этот обычай своим возникновением и сохранностью, глубокой архаикой обязан стойкому традиционализму, и это делает осетин живым историческим источником. И здесь осетины выступают как восприимчивые христианской культуры Византии, что было абсолютно реально до разгрома Константинополя турками в 1453 г. В 1461 г. в руки турок перешел Трапезунд — столица «дочерней» Трапезундской империи, бывшей в тесных связях с Аланией. Аланская епархия фактически прекратила свое существование к середине XVI в. (Малахов, 2015, 31). Но в памяти дигорцев сохранились реликты о покровителе и защитнике, святом Николае Мирликийском, таком же защитнике и воине всех осетин, св. Георгий-Уастырджи и другие христианские заимствования. Но, к сожалению, эти вопросы изучены слабо. Именно в таком состоянии пребывает исследование и объективная оценка синкретичного христианского культа св. Николая, отраженного очень кратко в монографии Л.А. Чибирова (Чиби́ров, 2008, 380). Основным источником по данной проблеме остается подробная статья московских этнографов В.Н. Басилова и В.П. Кобычева «Николайы кувд», она очень описательно-этнографична, но поверхностна в аналитическом и историческом плане (Басилов, Кобычев, 1876, 131–154). Интересно, что осетины считали Николу братом Георгия-Уастырджи (там же, 141).

Нам осталось затронуть еще один вопрос, вызывающий разночтения между мной и С.Н. Малаховым. Имею в виду его утверждение о том, что после переноса Аланской кафедры в Сотириуполь, на р. Чорох (фема

Халдия) в конце XI — начале XII в., начался упадок, «Алания превратилась в «заморскую» епархию, редко посещаемую митрополитом» (там же, 31). Я недостаточно компетентен в византиноведении вообще и во внутренней государственно-административной жизни огромной и необычно сложной Империи, но принимая построения С.Н. Малахова в целом, должен сказать и о возможной коррекции.

С.Н. Малахов прав, когда он считает, что говорить о евангелизации алан не приходится. Но это — длительный процесс, подразумевающий психологическую подготовленность катехумения (оглашенного) и его религиозную первичную образованность перед обрядом евхаристии. У нас нет никакой информации об этом у алан, если не видеть сцену евхаристии на фасадной плите царского дольмена XI в. Кяфарского некрополя (Кузнецов, 2012, 90, рис. 91–92, 93). Разумеется, о массовой евангелизации алан, за несколькими исключениями, говорить не приходится; по мнению С.Н. Малахова евангелизация соседних «варварских» народов «рассматривалась Николаем Мистиком как метод организации оборонного союза из полузависимых государственных образований в интересах Византийской Империи» (Малахов, 1993, 17). Если это так, далеко идущие планы патриарха провалились. Но я воспринимаю исторический акт крещения западных алан византийскими миссионерами как успешный ибо тяготение было взаимным и это обеспечило успех христианизации Алании. Здесь вступает в силу мощный экономический фактор — выгоднейшее местоположение перевалов Западной Алании на трассе ВШП. В Понтийском отрезке ВШП его промежуточной базой и главным рынком был портовый город Трапезунд (соврем. Трабзон) на северо-востоке Византии, центр Трапезундской империи в 1204–1461 гг., имел крупные торговые ярмарки как сферу товарного обмена, в которую была включена и верхнекубанская Алания. Я вновь повторю, что подобная проработка этого материала ВШП в натуре убедила в том, что ВШП в ее северокавказских пределах была тем многовековым стимулятором, который ускорил развитие Алании и сделал именно Аланскую епархию особо важной и полезной экономически. Но не только: «Победа христианства внесла в этот процесс еще одну новую черту: император с этих пор сделался христианским государем, его миссией было распространение веры, защита ее против всех врагов и покровительство церкви» (Диль, 1947, 35). Как видим, присутствует и политика.

Что означает сообщение акта № 144 о том, что Аланская митрополия «не имеет собственной архиерейской кафедры по той причине, что народ ее пастушеский» (Малахов, 2015, 46)? С.Н. Малахов причину этого странного отката и регресса аланского общества с его устоявшимся хозяйствен-

но-культурным типом (ХКТ) видит в начавшемся после событий XIV в. процессе дезурбанизации городских центров Алании и номадизации хозяйства и быта ее населения. С точки зрения византийского духовенства в Алании не было таких городов, достойных размещения в них кафедры. С этим трудно согласиться. С.Н. Малахов, очевидно, находится в данном случае под влиянием научной концепции о кризисе и аграризации провинциального византийского города в VII–IX вв., но эта концепция «все чаще в историографии расценивается как известное преувеличение, хотя сам упадок как характерное для византийского города этого времени явление не оспаривается» (Литаврин, 1977, с. 110–111). Течение исторического процесса в Византии в общих чертах сходно и синхронно и в последующий период, и это еще раз свидетельствует о глубине алано-византийских связей, но не в контексте ВШП.

Конечно, С.Н. Малахов прав, когда он пишет о дезурбанизации аланского города, подразумевая Нижний Архыз. Как исследователь этого памятника, я не раз писал о том, что его подъем и благополучие приходится на XI в., в XII в. наблюдается спад активной жизни (напр.: Кузнецов, 2017, 288, 404–305). Но С.Н. Малахов не попытался обозначить причину начавшегося спада Нижнего Архыза. В чем может быть такая причина, ведь переход города на «пастушеский» образ экономики и быта случайным быть не может.

Мы должны постоянно иметь в виду такой фактор, как давление со стороны северных соседей Алании — половцев или (у арабских авторов) кипчаков, около середины XI в. расселившихся в степном Предкавказье и по правобережью Кубани вплоть до Хумары. Соседей отделяла друг от друга только Кубань, а тюркоязычные кочевники древности и средневековья всегда были высоко организованными и маневренными конными армиями, сотрясавшими ближних и дальних соседей, в том числе Русь. Отношения между кипчаками и аланами изучены слабо, и мы о них знаем очень мало, но это соседство сыграло для алан то, что мы теперь называем аграризацией, пастушеским образом жизни.

Переход Предкавказья в руки кипчаков-половцев нанес тяжелый удар по Западной Алании: было нарушено движение по ВШП, в XII в. оно прекратилось, аланы потеряли немалые доходы, о которых мы уже говорили. Отпал главный двигатель местной экономики, осталось востребованным военное наемничество (Литаврин, 1977, 253–254), но оно было нестабильно. Мы очень мало знаем, источников нет, наши догадки не могут быть истинными, но логически допустимо думать, что кризисное состояние хозяйства заставило алан обратиться к интенсивному скотоводству на базе горных альпийских пастбищ. Угасание ВШП вызвало угасание Аланской

митрополии, но не крах, это показано Ю.А. Кулаковским, С.Н. Малаховым, А.Ю. Виноградовым, и мы не будем обсуждать эту тему. Сейчас остается ждать публикации очень интересных и важных для христианской археологии Кавказа археологических памятников Кабардино-Балкарии — необычных туфовых надмогильных крестов из Жанхотеко (левый берег р. Баксан), с плоскорельефной орнаментацией. находка случайная, около 20 обломков, никаких сведений о погребальном обряде и инвентаре нет. Поиск типологических аналогий и получения хотя бы предварительной датировки крестов И.М. Чеченовым, конкретных выводов сделать не позволил и ограничил XIV — началом XVI в. (Чеченов, 1987, 85, прим. 186). Скопление каменных крестов в Жанхотеко археологически никем не изучено, своих археологов в республике нет, объект остается неясным, очевидно такое положение сохранится.

В Кабардино-Балкарии есть еще один археологический памятник первостепенной важности для истории христианства на Северном Кавказе. Это средневековое городище у горы Калеж на правом берегу р. Малка, примерно в 0,5 км от въезда в с. Каменноостское Зольского района КБР. Данный объект представляется настолько информативным и перспективным для науки, что это становится ясным даже после предварительного визуального ознакомления с существующим фотоматериалом. Сейчас этим занимается С.Н. Малахов, коему принадлежит честь тонкого анализа находок и весьма корректного комментария. Не имея возможности что-либо изменить или добавить, я не буду обсуждать эти публикации и использую здесь только последнюю по времени статью (Малахов, 2015, 289–320). Итак, о чем речь?

С мая 2011 г. в средствах массовой информации появились публикации о расхищении предметов старины с территории городища близ с. Каменноостское в КБР. По сведениям местного жителя А. Бишенова, переданным нальчикскому краеведу В.Н. Котлярову, с поверхности городища в течение трех лет местным населением было собрано 2–3 тысячи металлических крестов и иных предметов, затем поступивших в антикварную лавку Пятигорского рынка (там же, 290). Факт — идет повальное ограбление вышеупомянутого городища Калеж у с. Каменноостское. А это преступление против историко-культурного наследия, охраняемого специальным Законом РФ.

Через В.Н. Котлярова С.Н. Малахов получил фотографии части находок с городища Калеж и опубликовал их (Малахов, там же, 271, рис. 1; 294, рис. 2). Десяток нательных крестов издал В.Н. Котляров (Христианские святыни, 2013, 127), считающий, что Калеж был центром епископии Ахохия, известной в византийских актах XIV в. По В.А. Кузнецову, епископия Ахохия входила в ведение иерархов Аланской епархии, таким образом,

она была по отношению к Нижнему Архызу суффрагатной (Кузнецов, 2002, 80–81), как и епископия Кавказия. С.Н. Малахов локализацию и этимологию названия Ахохия оспаривает, но я остаюсь при своем мнении, восходящем к И. Маркварту (MARQUART, 1961, 168) и осетинской топонимике Центрального Кавказа (ЦАГАЕВА, 2010, 238 и др.).

Последняя публикация В.Н. Котлярова сопровождается хорошей фотографией горы Калеж (Христианские святыни, 2013, 128–129). Глядя на нее, опытный археолог обратит внимание на возвышенность над окружающей местностью и господствующую над ней. Возвышенность по большей части периметра имеет отвесные скальные обрывы значительной (обмеров нет. — В. К.) высоты и это усиливает видимые достоинства «горы» — естественной эндогенной дайки, с трещинами, заполненными магматическим расплавом. Для древних обитателей этих мест Калеж — крепость, подарок от Бога, если на плато есть вода. Нет сомнений, что это очень интересный памятник, способный дать много новой научной информации и окруженный древними могильниками (масса крестов происходит из них). На плоской вершине плато возвышается цитадель, должна быть церковь.

Твердой даты памятника мы не имеем, датированы могут быть только те же кресты. С.Н. Малахов установил, что «подавляющая часть находок не выходит за хронологические границы X–XII вв.», в некоторых случаях может быть первая половина XIII в. (МАЛАХОВ, 2015, 318). Эта дата должна быть увязана с хронологией городища Калеж, поэтому последний также может датироваться X–XII вв. — временем существования Аланской епархии. В.Н. Котляров пытается отождествить христианский Калеж с вышеупомянутой епископией Ахохия, но она упомянута в источниках только один раз — в 1364 г., т. е. в середине XIV в., в X–XII вв. она еще не существовала. Но надо учесть, что дата калежских крестов — еще не дата городища. До исследования памятника в натуре любые выводы преждевременны.

Вместе с тем, важный и обоснованный вывод сделан С.Н. Малаховым: найденный на Калеже массовый христианский материал «может служить подтверждением довольно быстрого процесса воцерковления значительной части аланского общества, проживавшего в среднем течении реки Малки в домонгольский период» (там же, 319).

Феномен Калежа состоит в необычайной концентрации массового древнехристианского материала в точечном археологическом объекте — естественной крепости, известной благодаря современным исследованиям московского археолога Д.С. Коробова в Кисловодской котловине как *останцевые укрепления* (использование особенностей местного ландшафта для целей обороны). В котловине их известно пять: Рим-гора, Центральное

Эшкаконское, Клин-Яр, Горное эхо, Кугульское, время V–VIII вв. (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, 138–139; Коробов, 2015, 32). Площадь останца Рим-гора 16 га, склоны отвесные скальные, высотой до 20 м, дата памятника VI–XIII вв., с преобладанием X–XII вв. (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, 139). Это складывающиеся городские центры Алании на основных торговых путях. Таким путем в долине Подкумка был ВШП, точнее его Мисимианское ответвление, направлявшееся в восточную, Верхнетерскую Аланию (Кузнецов, 2014, 90–95, рис. 34–38).

Каменноостское и гора Калеж находится приблизительно в 20–25 км восточнее Кисловодской котловины и Рим-горы. Общее, краткое описание Рим-горы давалось уже не раз, последнее в моей монографии 2014 г., поэтому мы не останавливаемся на описании материала. Главное, признание Рим-горы самым крупным и развитым центром власти, местного рынка и торговли, концентрации сакральных функций и иерархических пространств (площадь 16 га — это площадь только останца или цитадели, к ней прилегает открытое поселение, тогда общее застроенное пространство составляет до 150 га). По европейским средневековым меркам — это большой торговый город на большом торговом пути (Самаркин, 1976, 79–90; Ястребицкая, 1978, 96–113, Ястребицкая, 1978, 57; Кузнецов, 2014, 91–94). Такими были Афины. Но я не пытаюсь «раскрутить» здесь тему Рим-горы, ибо существует слишком много провалов и неясностей по ней, и строить далеко идущие выводы было бы преждевременным. Неясно главное: входила ли Кисловодская котловина, Пятигорье и Кабарда в понятие Западная Алания в X–XIII вв.? С этим еще предстоит разобраться.

Сейчас заметим, что Рим-гора и Калеж — достаточно крупные и синхронные, вероятно однокультурные городские центры. В окружение города-крепости Калеж может входить еще один интересный памятник, давно известное каменное изваяние воина — так называемый Дука-бек. Он стоял на вершине кургана у дороги, идущей к Этокскому военному посту времени Кавказской войны. Дука-бек находился у пересечения дороги и речки Этоко (из карты Кавказского края, 1842 г.), приблизительно в 10–12 км от Калежа. Связь между ними вероятна, но и тут мы имеем «дело Дука-бека» с многими неизвестными. В частности, возникают серьезные вопросы о датировании статуи и о ее греческой надписи. Я рассматривал их, но полученным результатом не удовлетворен. Я поддержал позднюю дату Дука-бека XVI–XVII вв. исходя из того, что в сцене охоты на оленя охотник стреляет из ружья на подсошке, а это могло быть не ранее XVI в. (если это подсошка).

Плоскорельефные сцены на гранях памятника не документальны и условны, могут вызвать разночтения. Надписи разными авторами датиро-

ются по-разному — XII в. и XVI в. И принимаемая вторая не окончательна (Кузнецов, 1999, 83–99). «Решающих аргументов нет» (там же, 96).

Магическая сила Дука-бека заключается в его интригующей загадочности. Аналогий ему нет. Алано-половецкие скульптуры XI–XII вв. верховьев Кубани — каменные «бабы» тюркского происхождения, воины-герои с христианскими крестами на лбу и плечах, слабоизогнутой саблей на боку и рюмкой, прижатой к груди — другой, иной иконографический архетип. Аланы таких статуй не делали. Не делали они таких изваяний, как Дука-бек. Не делали и кабардинцы. Тогда кто? Кто сделал греческую надпись на статуе Дука бека? Что значит «Дука-бек», имя или титулатура средневековья? Не имел ли этот бек (тюркский военно-административный титул, синоним араб эмир, господин, властитель, феодальная знать; см. СЭС, 1982, 122) и Дука-катепан византийское происхождение? Дуки или катепаны возглавляли с середины XI в. крупные военно-административные области, осуществляя высшую военно-гражданскую власть в катепанате. Цитирую Г.Г. Литаврина: «В целях осуществления более действенного контроля и более быстрого учета ситуации, и принятия необходимых мер с середины XI в. стала приобретать все более широкое обыкновение практика создания временных крупных военно-административных областей (катепанатов или дукатов), возглавляемых катепанами-дуками, вновь, как в первые века существования фем, сосредоточивших в своих руках высшую военную и гражданскую власть в катепанате. Именно создание катепанатов, а никак не фам VII–X вв. мы бы рассматривали как своеобразное выражение процесса феодальной децентрализации и оформления экономически и политически консолидирующихся территорий, тяготевших к выделению из империи и к независимому от центральной власти развитию. Тем более, что *эти катепанаты, занимавшие, как правило, пограничные области, были заселены компактными массами иноплеменных подданных империи* (Литаврин, 1977, 255–256). Исследователь в качестве примера приводит владения Филарета Врахамия в пределах Киликии в 70-х годах XI в., господствовавшего в этой провинции с помощью частных воинских сил (там же, 256, ссылка на Н. Икономидиса). Чем больше происходил упадок и эрозия византийской фемной армии, к середине XI в. уже не обеспечивавших надежную охрану границ (особенно восточных), тем больше нарастало влияние и сепаратизм дружин наемников из соседних варварских племен, в том числе аланских. В такой среде условия для появления в Западной Алании своего катепаната были благоприятные. Но появился ли он? Никаких прямых данных об этом у нас нет, а перечисленных косвенных недостаточно. Что касается изваяния Дука-бека — надо признать, что он остается одной из загадок средневековой археологии Северного Кавказа. Поскольку памятник

хранится в ГИМ, он может быть изучен дополнительно, а надписи дешифрованы.

Вернемся к городищу Калеж. Обилие христианской металлопластики из этого памятника поражает. Судя по известным нам рассказам местных жителей, кресты-тельники находили не только в прилегающих могильниках, но и при пахоте на плоском плато, в культурном слое. Датировка этого случайного материала X–XII вв., обоснованная С.Н. Малаховым, пока остается единственным достоверным источником для исторического комментария. Массовая концентрация христианских реалий вокруг цитадели указывает на весьма вероятное присутствие здесь руин христианского храма X–XII вв. В таком случае перед нами откроется панорама до сих пор неизвестного христианского центра на исторической территории Алании, существовавшего одновременно с епархией в Нижнем Архызе. Очевидно также, что христианская культура Калежа находилась в зоне влияния византийской культуры и церковно-административной структуры Империи (скорее всего Трапезунда). И, конечно, отпадут некоторые выводы о поверхностном характере христианизации Алании в X в., затем слабости и даже упадке и победе идеологического хаоса в переходный к позднему средневековью период XIV–XV вв. (но Дука-бек показал присутствие греко-византийской культуры и языка и в XVI в.). На деле все оказывается гораздо сложнее, просто мы мало знаем. Надо работать, чтобы лучше познать самих себя.

ЛИТЕРАТУРА

АБАЕВ В.И., Дохристианская религия алан. XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. — М, 1960.

БЕЛЕЦКИЙ Д.В., Виноградов А. Нижний Архыз и септы: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. — М, индрик, 2011.

БИБИКОВ М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.). Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1980 год. — М, «Наука», 1981.

Бойс Мори, Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М., «Наука», 1987.

ГАБУЕВ Т.А., МАРЫШЕВ В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. — Таус, 2009.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Феномен средневекового урбанизма. — Т. 1, «Наука», М., 1999.

КАМБОЛОВ Т.Т. Очерк истории осетинского языка. — Владикавказ, «Ир», 2000.

КОВАЛЕВСКАЯ В.Б. Аланы Северного Кавказа в первом тысячелетии — междисциплинарный подход. // Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ, 21–23 мая 2013 г.). — Владикавказ, «Ир», 2013.

- Кузнецов В.А. Лик Спасителя из Нижнего Архыза. Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. — М., 2004.
- Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. — Ставрополь, «Кавказская библиотека», 1998.
- Кузнецов В.А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. — «Снег», Пятигорск, 2017.
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. — «Ир», 1902.
- Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. — Пятигорск, «Снег», 2007.
- Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. Составление «в сути статья, комментарии и карта С. М. Перевалова». — «Алетейя», Спб, 2000.
- Кулланда С.В. Этногенез осетин по лингвистическим данным. Этногенез и этническая история осетин. Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин». — Владикавказ, «Ир», 2013.
- Латышев В.В. Заметки о кавказских надписях // ИАК, вып. 10, Спб, 1904.
- Лидов А.М. «Русский бог» О почитании образа св. Николая в древней Руси // *Archeologica abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. — М, «Индрик», 2009
- Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. — М., «Индрик», 2006.
- Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XII вв. Проблемы истории одного столетия 976–1080 гг. — М, «Наука», 1977.
- Малахов С.Н. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII–XVI вв. Аланы: Западная Европа и Византия. — Владикавказ, 1992.
- Малахов С.Н. К истории алано-византийских отношений в 1045–1055 гг. Власть, общество и церковь в Византии. Сборник научных статей. — Армавир, 2007.
- Малахов С.Н. Политическая идеология и социально-этические представления византийского общества в конце IX — первой четверти X века по письмам Миапка, автора канд. дис. — Екатеринбург, 1998.
- Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). — Краснодар, 1996.
- Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. — Тбилиси, 1959.
- Немировский Е.Л. Книги, изменившие мир. — Т. 1, «Снег», Пятигорск, 2015.
- Осетинский язык и фольклор I. — М.-Л., 1949.
- Памятники алано-осетинской письменности. — «Ир», Владикавказ, 2013.
- Перфильева Л.А. Архитектурные памятники средневековой Алании — к вопросу о генезисе. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тезисы докладов. — М., 1981.

Перфильева Л.А. К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-западного Кавказа X–XI вв. Аланы, Западная Европа и Византия. — Владикавказ, 1993.

Перфильева Л.А. Купольные храмы Западной Алании в контексте средневековой архитектурной традиции // Христианское зодчество. Новые материалы исследования. — М., Едиториал УРСС, 2004.

Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. — М, «Наука», 1964.

Припачкин И.А. Иконография господина Иисуса Христа. — Паломник, 2001.

Рчеулишвили Л.Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры черноморского побережья. Средневековое искусство. Русь, Грузия. — М, 1978.

Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. — «Высшая школа», М., 1976.

Словарь античности. Перев. с немецкого. — М, Прогресс, 1999.

Соснина Е.Л. Христианские памятники Нижнего Архыза — древняя копия священных символов Веры // Материалы по изучению историко-культурного наследия, вып. IX. — Ставрополь, 2009.

Удальцова З.В., Каждан А.П. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. // Вопросы истории, 10, 1958.

Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, «Ир», 2010.

Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг., том 3. Памятники средневековья (IV–XVIII вв.). — Нальчик, «Эльбрус», 1987.

Чибириков Л.А. Традиционная духовная культура осетин. — Владикавказ, Ир, 2008.

Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА, XXI, 1964.

Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. — М, «Искусство», 1978.

Ястребицкая А.Л. Западноевропейский город в средние века // ВИ, 4, 1978.

BALANCE Selina. The Byzantine churches of Trebizond. *Anatolian Studies*, X. — London, 1960.

BALINT Chanad. Über einige Tonkessel aus der Umgebung von Sarkel // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. *Varia Archeologica Hungarica* III, Ed. Csanád Bálint. — Budapest, 1990.

KUZNECOV V.A. Nordkaukasische Tonkessel // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. *Varia Archeologica Hungarica* III, Ed. Csanád Bálint. — Budapest, 1990.

SPINAI V. Die Tonkessel aus dem Karpaten — Dreistraum. Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. *Varia Archeologica Hungarica* III, Ed. Csanád Bálint. — Budapest, 1990.